

БОРИС АВЕРИН

ДАР МНЕМОЗИНЫ

*Романы Набокова
в контексте русской
автобиографической традиции*

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 882
ББК 83.3(2Рос-Рус)
А19

Аверин Б.

А19 Дар Мнемозины : Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Борис Аверин. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 399 с. — (Серия «Пальмира — университет»).

ISBN 978-5-517-02796-2

Книга известного петербургского литературоведа Бориса Аверина (1942–2019) посвящена автобиографическому жанру в русской литературе. В центре внимания автора — творческий процесс и феномен памяти как особого рода духовной деятельности. Мнемозина — богиня памяти и мать всех муз — объединяет в книге таких разных писателей, как В. Набоков и о. П. Флоренский, И. Бунин и Андрей Белый, Вяч. Иванов и Л. Шестов.

УДК 882
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-517-02796-2

© Аверин Б. В., наследники, 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ВВЕДЕНИЕ

1. «ГЕНИЙ ТОТАЛЬНОГО ВОСПОМИНАНИЯ»

Есть писатели, пожизненно преданные одной или нескольким темам, которые развиваются и варьируются на протяжении всего творческого пути, от первых его шагов до последних. Набоков был именно таким автором. Мастер сюжета, для которого изобретение все новых и новых фабул не составляло особой проблемы (свидетельство тому — сюжетное богатство не только романного мира Набокова, но и его многочисленных рассказов и пьес), он с редким постоянством возвращался к избранному набору лейтмотивов, вновь и вновь повторяя их едва ли не в каждом крупном произведении. Была у него и центральная тема, прошедшая через все творчество и объединившая его в некий единый текст. Тема эта — воспоминание.

Память, которую Набоков любил называть Мнемозиной, — героиня всех его произведений, без исключения. Личные воспоминания он, не смущаясь, вводил даже в научный комментарий к «Евгению Онегину», а для одного из своих многочисленных «вспоминающих» персонажей придумал специальное определение: «художник-мнемозинист»¹.

Набоков обладал поистине «всеобъемлющей» памятью, прежде всего — на бесчисленное количество текстов, от «Илиады»

---

¹ Набоков В. Лолита // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1997. Т. 2. С. 323. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с литерой «А» перед указанием тома (том обозначается римской цифрой, страницы — арабскими).

до сочинений третьестепенных современных ему писателей¹. Его произведения, перенасыщенные реминисценциями, позволяют филологам, их изучающим, проявить весь блеск эрудиции, без которой невозможно обнаружение скрытых цитат и множественных контекстов как набоковской прозы, так и набоковской поэзии. Но, сколь бы проникательны ни были посвященные этому аспекту его творчества исследования В. Александрова², О. Дарка³, Д. Б. Джонсона⁴, А. А. Долинина⁵, С. Ильина, А. Люксембурга⁶, К. Р. Проффера⁷, Н. В. Семеновой⁸, П. Тамми⁹ и др. — на долю будущих исследователей по-прежнему остается почти бесконечное богатство данной темы. У Набокова она производит впечатление в принципе неисчерпаемой.

Столь же феноменальна была его «память чувств», прежде всего — зрительная, связанная со множеством оптических эффектов. Набоков не случайно любил употреблять слово «паноптикум» как в его исконном значении (от «пан» — охватываю-

---

¹ В современной американской монографии, специально посвященной проблеме памяти в творчестве Набокова (*Foster J. B. Nabokov's Art of Memory and European Modernism*. Princeton, 1993), искусство памяти трактуется как обращенное прежде всего к литературным текстам. Ср. раздел «Память — беспамятство» в кн.: *Рягузова Л. Н.* Концептуализированная сфера «творчество» в художественной системе В. В. Набокова. Краснодар, 2000. С. 72–82.

² *Alexandrov V. E. Nabokov's Otherworld*. Princeton, New Jersey, 1991. То же: *Александров В. Е.* Набоков и потусторонность: Метафизика, этика, эстетика. СПб., 1999.

³ *Дарк О.* Примечания // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 403–415; Т. 2. С. 435–446; Т. 3. С. 463–479; Т. 4. С. 463–476.

⁴ *Johnson D. B. Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov*. Ann Arbor, 1985.

⁵ *Долинин А.* Три заметки о романе Владимира Набокова «Дар» // В. В. Набоков: Pro et contra. СПб., 1997. [Т. 1.] С. 697–740.

⁶ *Люксембург А.* Комментарии // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб, 1997. Т. 1. С. 551–604; Т. 2. С. 601–670; *Ильин С., Люксембург А.* Комментарии // Там же. Т. 3. С. 622–700; Т. 4. С. 614–666; Т. 5. С. 619–698.

⁷ *Proffer C. R. Keys to Lolita*. Bloomington, London, 1968. То же: *Проффер К.* Ключи к «Лолите». СПб., 2000.

⁸ *Семенова Н. В.* Цитата в художественной прозе: (На материале произведений В. Набокова). Тверь, 2002.

⁹ *Tammi P. Problems of Nabokov's Poetics: A Narratological Analysis*. Helsinki, 1985.

щий все, в целом, и «оптикос» — зрительный), так и в значении словарном: паноптикум — собрание уникальных предметов искусства или искусственных подражаний (например, восковых фигур).

Гениальность набоковской памяти проявлялась и еще в одном отношении. Он очень хорошо помнил свою жизнь: младенчество, детство, отрочество, великое множество мелочей, связанных с разными возрастными этапами, — мелочей, которые большинство людей обычно забывает безвозвратно.

В знаменитой четвертой главе «Ады» есть слова, которые могли бы быть отнесены ко всему набоковскому тексту как целому. Эти слова: «genius of total recall». А. В. Дранов перевел их почти дословно: «гений тотального воспоминания»¹. Существует и иной вариант перевода, предложенный С. Ильиным: «гениальный обладатель всеобъемлющей памяти» (А IV, 522).

Гений памяти действительно покровительствовал Набокову — неудивительно, что сюжет «тотального воспоминания» неоднократно разворачивается в его произведениях.

Со слова «воспоминание» начинается первый романский текст Набокова. «Машеньке» предпослан эпиграф из первой главы «Евгения Онегина»:

Вспомня прежних лет романы,
Вспомня прежнюю любовь...

«Романы» здесь имеют двойной смысл: это любовные истории, но это и книги о любовных историях. Эпиграф приглашает читателя разделить воспоминание одновременно литературное и экзистенциальное. Первое и второе сцеплены неразъемлемо и заполняют собой все пространство текста. Сюжет воспоминания оттесняет постоянно ожидаемое возобновление любовного сюжета — пока не вытесняет его за пределы книги и жизни. Это обманутое читательское ожидание необходимо Набокову как способ резко провести черту между собственной поэтикой и традиционным рассказом о некогда пережитом прошлом,

---

¹ Набоков В. Ада, или Страсть: Хроника одной семьи. Киев, 1995. С. 517.

в котором воспоминание играет служебную, а не царственно-центральный роль.

Второй роман Набокова, «Король, дама, валет», не выдвигает воспоминание на центральный место в сюжете. Но, хотя бы и более или менее периферийное, место, которое отведено этой теме, все же достаточно значимо. Когда «дама» и «валет» замысливают преступление против «короля» (а это — центральный событие фабулы), выбор средства определяется их детскими воспоминаниями.

Сборник рассказов «Возвращение Чорба» закольцован темой воспоминания. В первом рассказе, одноименном сборнику, и в последнем, названном «Ужас», при несхождении фабул, повторяется сходная сюжетная ситуация: герой восстанавливает в памяти образ умершей возлюбленной, стремясь к сотворению совершенного воспоминания. «...Образ ее станет совершенным...»¹ — надеется герой рассказа, которым открывается цикл. «...Ее образ становится в моей душе все совершеннее...» (Р II, 491—492) — откликается ему герой заключительного рассказа. Впрочем, здесь нет симметрии, ибо Чорб движется к полноте воспоминания через повторное переживание всех подробностей прежнего чувственного опыта, а герой «Ужаса» утрачивает память о деталях, и сотворенный им совершенный образ становится для него безжизненным.

Таинственное проникновение прошлого в настоящее, опознавание прошлого в настоящем — на них построены интрига, фабула и сюжет «Защиты Лужина».

В «Подвиге» впервые у Набокова прошлое вплотную сомкнулось с настоящим — и это обеспечено тем, что герой разлучен с родиной, воспоминание о которой пронизывает всю его заграничную жизнь таким образом, что он как будто одновременно находится в двух измерениях: памяти и настоящего. Память о прошлом предопределяет центральный сюжетный ход: герой

---

¹ Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 173. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с литерой «Р» перед указанием тома (том обозначается римской цифрой, страницы — арабскими).

помнит, как в детстве ему хотелось уйти в висевшую над кроватью картинку — и претворяет это воспоминание в жизнь.

Воспоминание идет об руку с настоящим и в сборнике рассказов «Весна в Фиальте» — прежде всего в первом рассказе, давшем название сборнику.

«Отчаяние» — это ретроспектива события, описанная героем. Повествование строится так, что рассказ-воспоминание доводится до момента настоящего, отчет о прошлом превращается в отчет о настоящем (вплоть до появления дневниковых записей), прошлое поглощается абсолютным настоящим. Этот прием будет позже воспроизведен в «Лолите».

Цинциннат в «Приглашении на казнь» делит все оставшееся ему время между тремя основными переживаниями: надеждой на спасение, внутренней подготовкой к страшному событию и воспоминанием прошедшей жизни. В последнем он ищет опоры и объяснения предстоящему.

Воспоминание ведет и сюжет «Дара» — от воспоминания героя о собственных стихах, с их обращенностью к теме детства до пишущегося героем романа-воспоминания об отце. Финал «Дара» — остро переживаемое мгновение настоящего, и в центре переживания — предвкушение предстоящего воспоминания об этом мгновении.

Сюжет «Подлинной жизни Себастьяна Найта» — попытка воплотить в слове ушедшую жизнь, вернуть ее, воссоздав через воспоминания.

В романе «Под знаком незаконнорожденных» детские и школьные воспоминания служат тем содержанием, которое позволяет понять и объяснить все произошедшее.

Повествование в «Аде» целиком движется как поток воспоминания и постоянно включает в себя описание самого процесса воспоминания, а глава «Текстура времени» подводит итоги теме.

Герой романа «Прозрачные вещи», как некогда Чорб, возвращается в те места, где произошли важнейшие в его жизни события — чтобы вспомнить нечто, жизненно важное для него. Это возвращение-воспоминание и составляет весь сюжет романа.

«Смотри на арлекинов!» — еще одна автобиография вымышленного героя, восстанавливающего свое прошлое.

Думается, приведенных примеров вполне достаточно. Самый беглый, самый поверхностный обзор набоковских сюжетов удостоверяет нас в том, что воспоминание — его сквозная, центральная, чем-то в высшей степени важная для него тема, которая, независимо от специфики и несхожести разных сюжетов, неизменно участвует в сюжетообразовании. Не случайно столь многие герои Набокова пишут собственные автобиографии. Императив, которому подчиняется набоковское повествование, может быть выражен повелительным наклонением, прозвучавшим в заглавии английской версии «Других берегов»: «Память, говори».

Мы не назвали эту книгу, перечисляя те чисто художественные произведения Набокова, которые развивают тему воспоминания. О «Других берегах» следует сказать особо, прежде всего — в связи с трудностью определения жанра. «Другие берега» нельзя квалифицировать ни как мемуар, ни как автобиографию. Хотя книга несомненно является и тем, и другим, она никак не укладывается в означенные этими словами рамки. Слишком сильно в ней ощутимо художественное начало, порождаемое не столько вымыслом, сколько художественным воображением. Соучаствуя в воспоминании, воображение заодно с ним формирует течение повествования, соотнося подробности протекшей жизни таким образом, что на фоне документальной точности рассказа проступает то, что Набоков любил называть узором судьбы. «Другие берега» — это художественно осмысленная жизнь художника. Вне художественного осмысления все описанные здесь события лишаются всякого значения, вне его они в принципе не могут служить предметом, достойным повествования. Точнее всего было бы определить «Другие берега» как книгу памяти и воображения, откровенно посвященную тому, что составляет нерв набоковского творчества¹.

---

¹ О воображении как «форме памяти» Набоков писал в «Strong Opinions»: «Говоря о ярком личном воспоминании, мы делаем комплимент не своей способности к запоминанию, но мистическому предвидению Мнемозины, сохраняющей ту или иную подробность, которая может понадобиться творческому воображению» (*Nabokov V. Strong Opinions*. N. Y., 1973. P. 78). См. об этом: Александров В. Е. «Потусторонность» в «Даре» Набокова // В. В. Набоков: Pro et contra. [Т. 1.] С. 388.